

ЗАМЕТКИ ЛЮБОПЫТНОГО ЧЕЛОВЕКА.

ПОЧЕМУ ЛЮДИ НЕ ВИДЯТ ЭТОГО?

ПОХОЖДЕНИЯ ПЛАТОНА ЩУКИНА В СТРАНЕ КРИВЫХ ЗЕРКАЛ

ХАНС БРАУН

Заметки любопытного человека

Похождения Платона Щукина в Стране Кривых Зеркал

Ханс Браун

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая

Глава 1. Почему у Бога нет углов?

Глава 2. Посредник с лицензией

Глава 3. Великий Комбинатор от сектоведения

Глава 4. Прейскурант на спасение

Глава 5. Лед тронулся?

Часть вторая

Глава 6. Деструктология — продажная девка империализма

Глава 7. Наследники Рейха: Матрешка зла

Глава 8. Глобальный спрут и золотой телец

Часть третья

Глава 9. Инквизиторы

Глава 10. Инквизиторы XXI века и их методы

Часть четвертая

Глава 11. Заседание экспертов

Глава 12. Лаборатория безумного Шляпника

Глава 13. От заповедей к оружию

Глава 14. Финальный аккорд: Крах или начало?

ЭПИЛОГ

Часть первая

Глава 1. Почему у Бога нет углов?

В некоем городе, где тротуары помнили еще поступь дореволюционных дворников, а вывески магазинов уже кричали о диком капитализме, жил человек по имени Платон Аристархович Щукин. Платон был человеком беспокойным. Его не мучили ни квартирный вопрос, который испортил москвичей, ни отсутствие французских булок. Его мучил ряд вопросов, которые он не мог сдерживать в себе.

В то утро, когда судьба решила свести его с величайшей аферой современности, Щукин стоял перед строящимся собором и с видом инженера, принимающего мост, сверлил взглядом прораба.

— Скажите, любезнейший, — обратился он к прорабу, человеку с лицом, утомленным сметами и откатами. — Почему мы, грешные, обитаем в прямоугольных бетонных коробках, а для связи с Небесной Канцелярией строим исключительно округлые формы? Кто утвердил этот архитектурный план?

Прораб сплюнул в котлован и посмотрел на Щукина как на проверку из налоговой.

— По проекту положено. Традиция.

— Традиция! — восхитился Щукин, поправляя очки. — А вы задумывались, кто спустил эту смету? Неужели сам Господь прислал чертежи с пометкой: «Углы — от лукавого, делайте сферы»? Ведь купол построить сложнее, чем параллелепипед. Это ж сколько лесов городить! Это ж сопромат, батенька! Люди сами додумались, что под куполом эхо молитвы звучит убедительнее, или им кто-то подсказал?

Прохожие шарахались. В наше время задавать вопросы было занятием не только праздным, но и опасным. Но Щукин не унимался. Его

пытливый ум, не обремененный ипотекой, сверлил бытие, как дрель соседа в субботнее утро. Он смотрел на золоченые маковки и думал: может быть, округлая форма нужна для того, чтобы молитвы прихожан не застревали в углах, как пыль за шкафом? Или это аэродинамическая труба для перекачки надежд в одну сторону и денежных знаков — в другую?

В этот момент к воротам храма подкатил черный лакированный «Мерседес», блестевший, как свежеокрашенный рояль. Из него, кряхтя и опираясь на дверцу, выбрался тучный мужчина. На мужчине длинное черное одеяние.

Священнослужитель, не удостоив наблюдателя взглядом, проследовал внутрь. За ним потянулась вереница старушек и граждан с благочестивыми лицами.

— Чего люди хотят на самом деле, когда идут туда? — подумал Щукин. — Познания Истины или чтобы соседка Марья Ивановна не сказала, что они безбожники? Понимают ли они суть ритуалов, или для них это просто формальность?

Ленин молчал. Ему, как и Щукину, не нравилось, когда ритуалы превращаются в магические заклинания, а кадило — в лицензированную волшебную палочку. Платон знал: если человек не понимает смысла действий, но верит в их результат — это магия. А если эту магию продают по прейскуранту — это уже бизнес.

Щукин решил зайти внутрь. Не молиться — анализировать.

Глава 2. Посредник с лицензией

Внутри пахло воском, ладаном и душным смирением. Платон встал за колонну и наблюдал. Служба шла своим чередом. Священник, тот самый, из «Мерседеса», что-то быстро бормотал на языке, который прихожане

понимали еще хуже, чем инструкцию к китайскому тостеру. Люди крестились невпопад, стараясь попасть в ритм.

«Нужен ли человеку посредник между ним и Богом? — записал Щукин. — Знает ли он Бога лучше, чем остальные? Или он просто знает секретный пин-код от Небесных Врат, который недоступен простым смертным?»

Платон вспомнил свою прошлую жизнь. Когда-то он был литературным критиком, любил докапываться в глубины тех мест, о которых люди и думать боялись. Но потом его уволили за фельетон о том, что новые жилые комплексы похожи на тюрьмы для хомячков. Теперь он был вольным философом. И его философия подсказывала: здесь что-то нечисто.

— Простите, — шепнул он женщине, ставившей свечку. — А что сейчас происходит?

— Таинство! — шикнула она на него. — Не мешай спасаться!

— А в чем суть?

— Бог накажет! — нашлась она с аргументом.

«Страх, — подумал Платон. — Главный инструмент маркетинга. Не любовь, а страх. Страх сделать не так, встать не там, подумать не то».

Служба закончилась. Священник вышел на амвон. Платон ожидал проповеди о любви к ближнему, о том, как важно не красть и не лгать. Но батюшка, огладив бороду, заговорил о врагах.

— Окружили нас! — гремел его голос. — Сектанты, язычники, агенты Запада! Лезут в наши души, как воры в амбар! Но у нас есть щит! У нас есть Миссионерский отдел!

Щукин наострил уши. Слово «миссионерский» ассоциировалось у него с путешественниками в пробковых шлемах, несущими свет дикарям. Но здесь оно звучало как название спецподразделения по борьбе с организованной преступностью.

— Не ходите к инославным! — вещал поп. — Там гибель! Там отнимают квартиры и разум! Только у нас спасение! И не забывайте про десятину на ремонт купола.

Выйдя из храма, Платон увидел на доске объявлений листок. Там, среди расписания панихид, висело приглашение: «Лекция профессора А.Л. Дворкина. Тема: "Тоталитарные секты — угроза национальной безопасности". Вход свободный (желательно пожертвование)».

Платон поправил шляпу. Фамилия Дворкин показалась ему смутно знакомой. Где-то он ее видел... Ах да, в новостях о скандалах, судах и погромах. Щукин почувствовал охотничий азарт. Геометрия куполов отошла на второй план. Перед ним открывалась архитектура куда более сложная — архитектура человеческой ненависти.

Глава 3. Великий Комбинатор от сектоведения

Поиски привели Платона в учреждение с вывеской, достойной пера Кафки: «Российская ассоциация центров изучения религий и сект (РАЦИРС)». Название звучало научно, как НИИ Химических Удобрений, но удобряли здесь почву исключительно ненавистью.

Ему нужно было понять: кто такой этот Дворкин и почему его именем пугают детей и прокуроров?

Открыв папку с досье (интернет творил чудеса), Платон ахнул. Перед ним разворачивалась биография величайшего самозванца XXI века.

— Позвольте! — воскликнул он, сидя перед компьютером. — Как так вышло?

Факт первый бил наповал: у главного «сектоведа» страны, председателя Экспертного совета по религиоведческой экспертизе при Министерстве юстиции РФ, не было высшего образования, признанного в России!

— Это же просто праздник какой-то! — шептал Щукин. — Гражданин США, учившийся в каких-то американских колледжах по специальностям, далеким от науки, приезжает в Россию и начинает учить нас, как правильно верить! В реестре ВАК нет специальности «сектоведение». Это все равно что назначить главного астролога в Роскосмос!

Но дальше было интереснее. Платон наткнулся на медицинские документы. Четыре года — с 1973 по 1977 — юный Саша Дворкин провел в психиатрической больнице. Диагнозы звучали как музыка для психиатра и как приговор для государственного чиновника: «циклотимия», «патологическое развитие личности», «психофизический инфантилизм».

— И этого человека допустили руководить экспертами Минюста? Кто пустил пациента руководить врачами? Это же сюжет для Гоголя, а не для реальности!

Дворкин оказался не просто чудаком. Он был прилежным учеником. Его наставниками на Западе были Йоханнес Огорд и Фридрих Хаак. А те, в свою очередь, черпали «мудрость» у Вальтера Кюннета — протестантского богослова Третьего Рейха.

— Вот тебе и бабушкин пирог! — присвистнул Щукин. — Мы боремся с фашизмом, а главный борец за «духовную безопасность» строит свои теории на методичках нацистов?

В текстах Дворкина Платон нашел те же слова, что использовали пропагандисты 30-х годов: «микробы», «паразиты», «раковая опухоль», «инфекция». Только вместо евреев Дворкин подставлял слово «сектант».

— Дегуманизация, — записал Платон. — Сначала ты называешь человека микробом, а потом общество само хочет его раздавить. Ярлык «сектант» сегодня — это аналог желтой звезды.

Глава 4. Прейскурант на спасение

Но Александр Леонидович Дворкин был не просто идеологом. Он, как истинный сын лейтенанта Шмидта, понял главную истину капитализма: ненависть — это товар. И товар ходовой.

В одной из папок Щукин нашел схему, гениальную в своей циничности. РАЦИРС не просто «боролась со злом». Она создала бизнес-империю.

Алгоритм «Священного Рэкета»:

- Берется успешная организация или популярный человек. Это может быть конкурент РПЦ, коммерческая фирма (вроде Amway или Zepter, или Herbalife) или просто неудобный священник.
- На жертву вешается ярлык «тоталитарная секта».
- Запускается маховик пропаганды через СМИ.
- Общество пугается, чиновники возбуждаются.
- ПРОФИТ!

Платон нашел историю отца Владимира Головина из города Болгар. Священник был популярен, к нему ехали тысячи людей. И что же? Дворкин и его верный Санчо Панса — протоиерей Александр Новопашин — объявили Головина создателем «внутрицерковной секты».

— «Это заказ. Это бизнес, это деньги», — читал Щукин слова самого Головина. Оказывается, можно заказать травлю конкурента, как пиццу. Новопашин даже не скрывал, что участвовал в лишении сана Головина.

— Инквизиция перешла на хозрасчет, — констатировал Платон. — Сначала ты получаешь государственные гранты, а потом берешь деньги за «устранение».

Священники, которые должны были говорить о любви, превратились в «православных силовиков». Миссионерский отдел РПЦ, по сути, стал

филиалом спецслужб. Вместо того чтобы давать людям право выбора, они забирали его. «Не ходи к кришнаитам, не читай эти книги, не слушай этих лекторов — а то посадим».

— Позвольте, — спросил сам себя Щукин. — А при чем тут Бог? Если для защиты веры нужен прокурор и ОМОН, то, может быть, с верой что-то не так?

Картина, открывшаяся Платону, была ужасающей. РАЦИРС пустила корни везде. В МВД, в ФСБ, в школах. Протоиерей Александр Новопашин, вице-президент РАЦИРС, ездил по стране и называл украинцев «сатанистами» и «людоедами». Священник! Человек, который должен молиться о мире!

— Какое Евангелие он читает? — недоумевал Щукин. — Издание от НКВД?

На сайтах Новосибирской епархии висели инструкции по саботажу для граждан соседней страны. Священники освящали ядерные ракеты «Сатана».

— Как это вяжется? — кричал Платон в пустоту своей квартиры. — «Не убий» и освящение бомбы? Или если побрызгать святой водой, то бомба убивает только грешников, а праведников огибает по дуге?

Глава 5. Лед тронулся?

Платон Щукин сидел на скамейке в парке. Мимо шли люди. Они не знали, что их сознанием манипулируют. Они не знали, что добрый дедушка-профессор, рассказывающий по телевизору о страшных сектах, — это человек с тяжелым диагнозом и жаждой власти.

— Почему люди не задают вопросов? — думал Платон. — Почему они верят, что их сосед, который не пьет и не курит, а читает Библию, — это

экстремист? Почему они позволяют попам в черных платьях решать, кому жить, а кому сидеть?

Он посмотрел на купол собора. Теперь он знал ответ.

— Купола строят круглыми, чтобы мысль скользила по ним и улетала в небо, не задевая мозг, — пробормотал он.

Но Платон не сдавался. У него была его записная книжка. У него были факты. И он знал: лед тронулся. Рано или поздно, даже в Стране Кривых Куполов, люди начнут спрашивать: «А король-то голый?».

И тогда Великий Комбинатор от инквизиции поймет, что его партия проиграна. Потому что правду, как и геометрию, обмануть нельзя. Углы всегда вылезут наружу.

Часть вторая

Глава 6. Деструктология — продажная девка империализма

Платон Щукин сидел в библиотеке, обложенный книгами, как француз под Москвой. Но искал он не выход из окружения, а вход в кроличью нору современной российской науки.

Копая глубже, Платон наткнулся на новое слово, от которого веяло холодом казенного дома: «деструктология».

Автором этой «науки» был Роман Силантьев, еще один видный деятель из орбиты Дворкина. В реестре ВАК такой специальности не было. В мире о ней не знали. Но на основании «деструктологических экспертиз» в России сажали людей.

Это было похоже на гадание на кофейной гуще, только с печатью Министерства юстиции.

Перед ним лежал труд с пугающим названием «Основы деструктологии».

— Скажите, — шепотом обратился он к библиотекарше, даме с лицом, на котором застыло выражение вечного «тссс!», — а в каком разделе искать эту науку? В фантастике? В юморе? Или, может быть, в отделе «Как посадить соседа, если он вам не нравится»?

Библиотекарша посмотрела на него поверх очков.

— Это серьезный труд, гражданин. Автор — Роман Силантьев. Профессор!

— Профессор чего? — не унимался Щукин. — В реестре ВАК такой специальности нет. В мировой науке о ней не слышали. Это все равно что

защитить диссертацию по «научному шаманизму» или «теоретическому мракобесию».

Платон открыл книгу. Текст пестрел терминами, от которых веяло холодом следственного изолятора. Оказывается, если вы читаете не те книги, лечитесь не теми травами или, не дай бог, верите в Бога не по уставу, утвержденному в местном монастыре, — вы «деструктивный элемент».

— Гениально! — восхитился Платон. — Это же философский камень наоборот! Алхимики хотели превращать свинец в золото, а эти господа превращают невиновных людей в террористов с помощью одной бумажки.

Он вспомнил дело режиссера Беркович и драматурга Петрийчук. Их посадили на основании «деструктологической экспертизы». Эксперты нашли в пьесе то, чего там не было, но судья кивал так усердно, словно боялся, что у него отвалится голова.

— Это уже не наука, — записал Щукин в блокнот. — Это дубина. Роман Силантьев и его «лаборатория» при МГЛУ — это кузница кандалов. Они берут бюджетные деньги, чтобы объяснить государству, кого еще нужно бояться.

Рядом с Силантьевым в этой плеяде «светил» сияла звезда Ларисы Астаховой. Платон нашел стенограмму суда, где эта дама, величая себя религиоведом, приписывала Рону Хаббарду фразы, которых тот никогда не писал.

— Интеллектуальный подлог как норма жизни, — констатировал Платон. — Если факты не подходят под теорию о «страшных сектах», тем хуже для фактов. И для людей.

Глава 7. Наследники Рейха: Матрешка зла

Вернувшись домой, Платон разложил на столе схему, которую он рисовал последние дни. Это была генеалогия ненависти. И она пугала.

— Итак, что мы имеем? — бормотал он, соединяя линии карандашом.

В центре паутины сидел Александр Леонидович Дворкин — человек со справкой из психдиспансера, гражданин США и главный инквизитор всея Руси. Но кто стоял за ним? Платон провел линию вверх. Йоханнес Огорд (Дания) и Фридрих-Вильгельм Хаак (Германия). Учителя Дворкина. А кто учил их? Линия пошла еще выше и уперлась в имя, от которого пахло гарью Второй мировой. Вальтер Кюннет.

— Вот оно! — Щукин хлопнул ладонью по столу. — Вальтер Кюннет, лютеранский богослов, который работал на Третий Рейх. Это он придумал, как использовать церковь для оправдания нацизма. Это он разрабатывал идеологию «немецких христиан», где Христос превращался в арийского героя, а евреи — в «паразитов».

Дворкин не просто привез в Россию американские методички. Он привез вирус нацизма.

— Посмотрите на их лексику! — Платон тыкал пальцем в цитаты Дворкина. — «Секта — это раковая опухоль». «Сектанты — это мутанты». Это же чистой воды дегуманизация! Точно так же Геббельс говорил о евреях.

Вся система РАЦИРС была построена по лекалам нацистского Апологетического центра.

- Создать образ врага (Евреи тогда, сектанты сейчас).
- Расчеловечить (Лишить их прав, назвать биороботами).
- Использовать государственную машину для уничтожения.

— Мы празднуем победу над фашизмом каждый год, — с горечью думал Платон. — А у нас под носом, в самом центре Москвы, сидит

организация, которая возродила методы фашизма и назвала их «духовной безопасностью». Четвертый Рейх не пришел с танками. Он пришел с «сектоведами» и экспертизами.

Глава 8. Глобальный спрут и золотой телец

Но РАЦИРС была лишь щупальцем. Тело чудовища находилось в тени. Платон узнал о FECRIS — Европейской федерации центров исследований и информирования о сектантстве. Дворкин был ее вице-президентом.

— Это международный картель, — понял Щукин. — Они экспортируют ненависть, как зерно.

Они лезут в политику. Они вмешиваются в законы. Они провоцируют войны.

Платон нашел информацию о том, как антикультисты работали в Югославии, разжигая религиозную рознь перед войной. Как они работали на Украине. Агенты вроде Павла Бройде и В. Рогатина готовили почву для конфликта годами.

— «Сектантский след» в войнах — это не конспирология, — записал Платон. — Это бизнес-план. Сначала ты разделяешь людей по вере, объявляешь одних «правильными», а других «сатанистами», а потом... потом начинают стрелять пушки.

И за всем этим стояли деньги. Огромные деньги. Платон нашел данные о грантах. Центр Иринея Лионского получал миллионы. Но это были копейки по сравнению с тем, что они зарабатывали на заказных «устранениях». Бизнес-модель была идеальной:

- Напугать общество.
- Получить бюджет на борьбу со страхом.

- Взять деньги с тех, кто хочет убрать конкурента руками «борцов с сектами».

— Они превратили веру в инструмент рейдерских захватов, — подытожил Щукин. — Не нравится вам успешная фирма? Назовите ее «коммерческим культом». Не нравится независимый пастор? Назовите его «гуру». И все, машина запущена.

Часть третья

Глава 9. Инквизиторы

Платон Щукин стоял перед дубовой дверью с табличкой «Миссионерский отдел». Дверь была массивной, как аргументы прокурора, и закрытой, как сердце некоторых чиновников. Платон поправил очки и постучал. Ему не открыли. Тогда он толкнул дверь и оказался в помещении, которое меньше всего напоминало обитель духовности и больше всего — бухгалтерию средней руки мясокомбината.

— Скажите, — обратился Платон к секретарше, чье лицо выражало вековую скорбь еврейского народа, умноженную на русскую бюрократию. — Это здесь выдают право на спасение души, или я ошибся этажом?

Секретарша посмотрела на него поверх очков.

— Здесь борются с сектами, гражданин. Вы пострадавший или покаявшийся?

— Я интересующийся, — вежливо ответил Щукин. — Скажите, а в чем, собственно, заключается миссия вашего отдела? Насколько я помню из этимологии, миссионер должен нести свет веры туда, где темно. А судя по количеству папок с надписью «Враги», вы занимаетесь тем, что выкручиваете лампочки у конкурентов.

Платон прошел вглубь кабинета, игнорируя слабые протесты. На стенах висели графики роста «сектантской угрозы». Кривая угрозы стремилась вверх так резво, словно это был график прибылей «Газпрома».

— Вот объясните мне, — Платон ткнул пальцем в портрет сурового мужчины с бородой (это был протоиерей Александр Новопашин, вице-президент РАЦИРС). — Задача миссионера — дать человеку право выбора, рассказать о Боге так, чтобы захотелось верить. А что делает этот

достойный муж? Он забирает право выбора! «Сюда не ходи, туда не ходи, а то анафема». Разве Христос ходил с дубиной и разгонял конкурентов?

В кабинете повисла тишина. Секретарша перестала печатать.

— Вы, гражданин, говорите вещи крамольные, — прошептала она. — У нас тут не дискуссионный клуб. У нас тут духовная безопасность.

— Безопасность от кого? — удивился Щукин. — От бабушек, читающих Библию дома? От йогов, стоящих на голове?

Платон понял, что почти все Миссионерские отделы РПЦ входят в состав РАЦИРС, а следовательно, давно перестали быть сугубо церковной структурой. Они превратились в инквизицию на аутсорсинге.

Глава 10. Инквизиторы XXI века и их методы

Изучая документы, найденные в открытом доступе в интернете, Платон наткнулся на методички РАЦИРС. Это было чтиво пострашнее «Молота ведьм».

Методика была проста и ужасна:

- Дегуманизация. Назови человека «сектантом». Сравни его с «раковой опухолью» (любимая метафора Дворкина). Назови его «биороботом».
- Лишение прав. Если ты сектант, у тебя нет прав. Тебя можно оболгать, у тебя можно отобрать детей (как пытались сделать с женщиной, подделав психиатрическую экспертизу), тебя можно посадить.
- Использование государства. Антикультовая сеть не участвует в богословских диспутах. Её ячейки назначают врага и пишут доносы в прокуратуру и ФСБ.

— Это далеко от учения Христа, — прошептал Платон. — Миссионерский отдел принял роль инквизиторов современности, под видом борьбы за национальную безопасность.

Александр Дворкин, этот «профессор» без диплома, возродил и усовершенствовал идеальную машину репрессий. Он, гражданин США, учившийся у западных антикультистов (прямых наследников нацистской идеологии Вальтера Кюннета), привез в Россию вирус тоталитаризма. И этот вирус порастил организм РПЦ.

— Ирония судьбы! — воскликнул Щукин. — Мы боремся с нацизмом, а у нас под носом, в церковных кабинетах, сидят люди, использующие методички и риторику тоталитарных режимов прошлого, методы, применявшиеся в эпоху становления нацизма в Германии.

Платон Щукин закрыл папку с делом. Картина была ясна. Антикультизм — это не защита веры.

РАЦИРС — это не общественная организация. Это спрут, проникший во власть, силовые структуры и СМИ. А люди, стоящие за ним — Дворкин, Новопашин, Силантьев — это не спасители Отечества. Это циничные комбинаторы, построившие свою карьеру на сломанных судьбах.

— Почему люди не видят этого? — подумал Платон. — Почему они верят тем, кто врет им в глаза?

Ответ был прост. Людям страшно. Страшно думать. Проще поверить человеку, который скажет: «Во всем виноваты сектанты. А ты хороший, ты правильный».

Платон встал. Он не был героем. Он был просто человеком, который любил задавать вопросы. Но он знал: один правильный вопрос может разрушить самую прочную ложь.

Часть четвертая

Глава 11. Заседание экспертов

В Москве стояла та особенная, тревожная погода, когда кажется, что даже облака выстроились в очередь на проверку документов. Платон Щукин, поправив на носу очки, которые придавали ему вид интеллигентного сыщика дореволюционной закалки, стоял перед неприметным зданием. Здесь, в недрах канцелярского мира, заседал Экспертный совет при Министерстве юстиции.

Платон знал: именно здесь варится тот самый бульон, которым потом кормят суды и прокуратуру.

Внутри, в зале с высокими потолками, где воздух был спертым от важности момента, сидели люди. Это были не просто люди. Это были Титаны Мысли, которые решают, кому и во что лучше верить, а чью деятельность запретить.

Во главе стола возвышался Александр Леонидович (в узких кругах известный как «Профессор»). Его взгляд блуждал по залу, периодически останавливаясь на невидимых врагах.

— Товарищи! — голос Профессора дрожал от негодования, смешанного с восторгом. — Ситуация критическая! Враг не дремлет! Он читает Библию дома! Он медитирует! Он, страшно сказать, занимается волонтерством без нашего разрешения! Это — метастазы! Это — раковая опухоль!

«Раковая опухоль»... как точно эта метафора пересекается с риторикой эпохи становления нацизма и методами дегуманизации. Аким образом, есть «мы» — правильные, и «они» — паразиты, которых надо удалить хирургическим путем.

метафора служит для оправдания исключения и уничтожения «чужих», превращая их в инородное тело, подлежащее удалению.

Рядом с Профессором кивал головой Роман Силантьев, отец-основатель великой науки «деструктологии».

— Мы провели экспертизу, — важно заявил Силантьев, поглаживая папку толщиной с кирпич. — И выяснили, что если человек не пьет, не курит и улыбается, то он, безусловно, находится под гипнозом. Нормальный русский человек должен быть хмурым и подозрительным. Улыбка — признак вербовки!

Гениально! Наука, которой нет в реестре ВАК, выносит приговоры, которых не должно быть в природе.

Глава 12. Лаборатория безумного Шляпника

Сюжет закручивался. Платону нужно было найти доказательства того, как именно фабрикуются эти «экспертизы». След привел его к Ларисе Астаховой — женщине с фантазией столь бурной, что ей позавидовал бы барон Мюнхгаузен.

Щукин нашел стенограмму суда по делу саентологов. Он читал и глаза его округлялись.

— «Как пишет Рон Хаббард...» — цитировала Астахова. Но Щукин, проверив источники, выяснил: Хаббард этого не писал. Астахова просто придумала цитату, вставила ее в экспертизу, и на основании этой выдумки судья вынес решение.

— Это же интеллектуальное шулерство! — воскликнул Платон, сидя на скамейке в Александровском саду. — Это не наука, это наперсточничество! Кручу-верчу, посадить хочу!

Он понял страшную вещь. В этой системе факты не имели значения. Значение имел «заказ». Вспомнилась история отца Владимира Головина из города Болгар. Успешный священник, к которому ехали тысячи. И вдруг — бац! «Сектант». Почему? Потому что его проповеди отличались от методичек? Нет.

— «Это в том числе чей-то бизнес интерес, это деньги», — вспомнились слова самого Головина. Дворкин и его верный оруженосец, протоиерей Новопашин, просто устранили конкурента. Сначала объявили его «гуру», потом запустили маховик СМИ, а потом, как признался сам Новопашин, «помогли» лишить его сана.

— Это рынок, — записал Платон. — Рынок инквизиторских услуг. Прейскурант: объявление сектой — дорого, травля в СМИ — очень дорого, ликвидация организации — по договоренности.

Но спрут РАЦИРС не ограничивался одной шестой частью суши. Щукин, вооружившись VPN-ом, отправился в виртуальное путешествие в Европу. Франция. Италия. Чехия. Словакия... Заголовки газет кричали: «Секты наступают!». Статьи были написаны как под копирку. Те же термины: «зомбирование», «тоталитарный культ», «угроза национальной безопасности».

— Позвольте, — удивился Платон. — А откуда, к примеру, у чешских журналистов лексика нашего дорогого Александра Леонидовича?

Ответ нашелся быстро. Госпожа журналист и ее коллеги были ретрансляторами риторики, которая создавалась и писалась в Москве, вбрасывая ее в европейское информационное поле.

Щукин понял: это экспорт. Россия экспортирует не только газ, но и выверенные, усовершенствованные и отточенные технологии ненависти.

— Ярлык «сектант» в Европе XXI века работает так же, как желтая звезда в Германии 30-х, — с горечью подумал он. — Сначала ты маркируешь группу людей. Потом ты их расчеловечиваешь («они не люди,

они биороботы»). А потом общество, накачанное страхом, готово их уничтожить.

И за всем этим стояла российская антикультовая сеть, ее лидер Александр Дворкин, который также долгие годы был вице-президентом европейской федерации FECRIS. Глобальная сеть по подавлению инакомыслия.

Глава 13. От заповедей к оружию

Самое абсурдное и страшное открытие ждало Платона в финале расследования. Он рассматривал фотографии. На них священники кропили святой водой... ядерные ракеты. Ракеты назывались «Сатана».

— Оксюморон! — закричал Платон, пугая голубей. — Как можно именем Бога, который есть Любовь, освящать «Сатану», предназначенную для убийства миллионов? Где в Евангелии написано: «Идите и бомбите»? Где Христос говорил: «Блаженны те, кто сжигает города»?

— Господи, — обратился Платон к потолку. — Ты видишь это? Те кто именует себя твоими служителями брызгают святой водой на оружие массового уничтожения! «Не убий»? Нет, вероятно, они этого не слышали. Господи, разве у нас теперь новая заповедь: «Убей, но предварительно освяти»?

Это было то самое «атомное православие», о котором мечтали безумные идеологи.

А миссионерские отделы, вместо популяризации учения Христа и его заповедей, составляя костяк РАЦИРС, давно перестали быть миссионерскими. Миссионерский отдел превратился в политотдел. Он стал идеологическим отделом. Священники читали лекции в МВД и ФСБ. Но не о заповедях. Они учили силовиков, кого нужно ненавидеть.

— «Свидетели Иеговы — экстремисты».

— «Пятидесятники — агенты Госдепа».

— «Йоги — сатанисты».

— Если поп благословляет на убийство, он перестает быть священником, — решил Щукин. — Он становится соучастником — понял Щукин. — Они подменили Христа Великим Инквизитором.

В Челябинске действовал некто Константин Путник, пешка Дворкина. Этот «православный» деятель в своих статьях открыто намекал на необходимость свержения власти, если она недостаточно жестко борется с врагами.

— И ему за это ничего не было! — поражался Платон. — Студента сажают за репост, а антикультист призывает к перевороту — и тишина. Значит, у них есть «крыша». Самая высокая крыша.

Агенты РАЦИРС в Украине (такие как Рогатин и Бройде) годами готовили почву для ненависти. А на сайтах епархий, связанных с антикультистами, до сих пор есть инструкции по саботажу!

— Это не духовная миссия, — понял Платон. — Это диверсионная работа под прикрытием креста.

И эта зараза расплзлась по миру. В Чехии, Словакии, Латвии агенты РАЦИРС использовали те же методы: ложь, запугивание, манипуляция. Они называли мирных людей террористами, в то время как настоящие террористы сидели в президиуме антикультовых конференций, выступали лекторами перед силовыми структурами и делили гранты.

Платон Щукин стоял у того же храма, с которого все началось. Купола все так же блестели, углов у них все так же не было. Но теперь Платон видел не архитектуру. Он видел еще и паутину, опутавшую эти стены.

— Вот в чем главная беда, — подумал Платон. — Не только в Дворкине и в Силантьеве, но и в том, что мы позволяем им это делать. Мы молчим, когда они называют людей «биомусором». Мы киваем, когда они сажают за веру. Мы думаем: «Меня это не коснется».

Но Платон знал историю. Сначала пришли за Свидетелями Иеговы. Потом пришли за пятидесятниками. Потом за йогами. Потом за психологами. А потом придут за теми, кто недостаточно громко хлопал, когда забирали первых.

Глава 14. Финальный аккорд: Крах или начало?

Щукин стоял на мосту, глядя на темную воду реки. Его расследование было завершено. Пазл сложился. Картина была ужасающей. Группа людей, связанных с идеологами нацизма, захватила идеологический контроль над огромной страной. Они используют Церковь как ширму. Они используют государство как дубину. Они делают бизнес на людских трагедиях.

Платон достал свою записную книжку. В ней было 50 вопросов. Но главный вопрос был один.

— Эй, вы! — представители антикультовой сети, осознайте, что вы наделали. Вы способствовали возрождению нацизма и разрушению демократии в стране, создали систему, которая в итоге пожрет и вас самих. Вы уверены, что контролируете этот процесс? Нет! Этот вирус ненависти уже управляет вами.

Внезапно зазвонил телефон. Номер был неизвестен.

— Платон Аристархович? — вкрадчивый голос в трубке звучал как скрип могильной плиты. — Вы задаете слишком много вопросов. Геометрия — наука опасная. Углы могут быть острыми.

— А я люблю острое, — ответил Щукин. — И знаете что? Сферический купол хорош тем, что с него все скатывается. И ваша ложь тоже скатится.

Он повесил трубку и рассмеялся. Смех его был чистым и свободным. Он знал тайну. Антикультизм — это колосс на глиняных ногах. Он

держится только на страхе и лжи. Стоит людям перестать бояться и начать задавать вопросы — и вся эта конструкция рухнет.

— Лед тронулся, господа присяжные заседатели! — сказал свою любимую фразу Платон Щукин и, насвистывая марш торeadора, пошел в сторону восходящего солнца. В его кармане лежал черновик книги, которая должна была открыть глаза миллионам.

ЭПИЛОГ

Александр Леонидович сидел в своем кабинете. Перед ним лежал отчет о новых «победах». Еще одна организация закрыта. Еще одна семья разрушена. Еще один грант освоен. Он чувствовал себя победителем. Но вдруг он заметил на столе маленькую записку. Кто ее положил? Как она сюда попала? На листке было написано всего два слова: «Мы знаем».

Рука «профессора» дрогнула. Он посмотрел в окно. Там, на улице, шла жизнь. Жизнь, которую он так ненавидел и которую так хотел загнать в рамки своего безумного «сектоведения».

Александр Леонидович медленно встал, стараясь не подать виду, что записка выбила его из колеи. Сердце ёкнуло от страха и от неожиданной пустоты, которая образовалась между ним и тем миром, в котором он жил все эти годы. Он подошёл к окну и прислонил ладонь к холодному стеклу. На улице люди шли по своим делам: женщина с пакетом, мальчик на велосипеде, пара, которая спорила и вдруг рассмеялась. Они были заняты мелкими, ничтожными для него вещами — и это раздражало так, что становилось почти физически больно.

«Мы знаем».

В голове выстроилась череда лиц: оклеветанные люди, сфабрикованные им обвинения, которые разрушали судьбы и даже лишали жизни. Его «победы» складывались в картину не триумфа, а катастрофы. Он ощутил, что живёт в собственном аду, в котором пахнет гарью человеческих судеб.

За окнами текла привычная жизнь; внутри же кабинета воцарилась новая тишина, тяжёлая и беспощадная.

Он вышел в коридор, потому что больше не мог оставаться в комнате, где настенные часы отбивали ритм его лжи. Дверь захлопнулась за ним, он хотел уйти от всего этого, но внутри по-прежнему оставалось леденящее ощущение, что этот ад останется с ним до конца.